
АЛЕКСЕЙ СОЛИН
ГЛУХОЙ
НАСЛЕДИЕ ПРЕДТЕЧ
ЦИКЛ «ГЛУХОЙ» · КНИГА ПЕРВАЯ
Пожалуйста, ничего не трогайте.

Алексей Солин
Глухой. Наследие Предтеч

https://litres.ru/74706129
SelfPub; 2026

Аннотация

Глеб Ершов двадцать лет поднимал упавшие сети на старом заводе. Одна грозовая ночь — и он открывает глаза в чужом теле.

Ян Сорель, восемнадцать лет, худший студент Академии и «глухой»: Шпиль, который даёт магию всему городу, на его печать не отзывается. Через месяц экзамен, после которого глухих отчисляют.

Только Глеб видит то, чего не видит никто. Магия здесь — древняя инфраструктура, заклинания — криво написанные конфиги, а ритуалы всесильной Гильдии — перезагрузка по бумажке. Сам Шпиль восемьсот лет пишет в журнал одну и ту же строку: «Ожидание инженера». И ему осталось шестьдесят дней.

Попаданец без системы с золотыми рамочками. Только консоль, мигающий курсор и надпись: «Пожалуйста, ничего не трогайте».

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 16
Глава 3 35

Алексей Солин
Глухой. Наследие Предтеч

Глава 1

Телефон зазвонил в 02:47.

Глеб Ершов знал это время наизусть. Без пятнадцати три — час, когда ломается всё, что может сломаться. Днём железо держится, потому что на него смотрят люди. Ночью оно остаётся одно и вспоминает, сколько ему лет.

— Ершов, — сказал он в трубку, не открывая глаз.

— Глеб Палыч, у нас второй цех лёг, — голос дежурного мастера дрожал, как у человека, которого уже дважды обматерил начальник смены. — Весь. Станки встали, терминалы не видят сервер, пресс-линия в аварии. Начальник смены говорит, если к шести не поднимем, то…

— То что?

— Ну… плохо будет.

— Логично, — согласился Глеб и сел на кровати. — Еду. Ничего не трогайте.

— Мы уже трогали.

— Я знаю, — сказал Глеб. — Вы всегда уже трогали.

За окном лило так, будто небо прорвало трубу. Где-то над Уралом ворочалась гроза: не близко, но и не далеко, в са-

мый раз, чтобы испортить ночь. Глеб натянул джинсы, свитер, старую куртку с вытертым логотипом поставщика, которого не существовало уже лет десять, сунул в карман тестер и ноутбук под мышку. Холодильник проводил его недовольным гулом. Больше провожать было некому: Лена ушла три года назад, оставив на память кота, а кот ушёл через год, оставив на память поцарапанный диван.

В машине Глеб по привычке включил аудиокнигу.

«…и тогда, очнувшись в теле юного графа, Андрей понял: теперь у него есть шанс всё исправить. Перед глазами вспыхнуло полупрозрачное окно: *Добро пожаловать в мир Эльдрамара. Ваш уровень: 1*…»

— Ага, — сказал Глеб дворникам. — Конечно. Вспыхнуло окно. А оперативки на это окно у Вселенной хватило?

Дворники не ответили. Им было не до того.

Он слушал такие книги третий год, сначала от бессонницы, потом по привычке. Попаданцы, прокачка, становление героя. Обычный парень, грузовик, белый свет, новый мир, где ты наконец-то кому-то нужен. Глеб ворчал на каждую главу, находил дыры в каждой системе прокачки, — и включал следующую. Психолог, к которому его один раз затащила Лена, наверное, сказал бы что-то умное. Глеб считал, что ему просто нравится слушать, как у других всё получается.

Завод встретил его ржавыми воротами, лужей размером с небольшое озеро и охранником Михалычем, который поднял шлагбаум, не отрываясь от кроссворда.

— Опять, Палыч?

— Опять, Михалыч.

— Слово из пяти букв, «неисправность в системе».

— Сбой, — сказал Глеб. — Это четыре. Тогда «отказ».

— О, подходит.

— У меня всегда подходит.

* * *

Серверная второго цеха располагалась в бывшей кладовке над раздевалкой. В девяностые кто-то решил, что сюда удобно тянуть кабели, а в нулевые — что сюда же удобно ставить стойку. Потолок протекал с тех пор, как Глеб устроился на завод. Над стойкой висел аккуратный, им самим натянутый, полиэтиленовый козырёк, под козырьком — ведро.

Ведро было полным.

— Ну хоть что-то работает, — пробормотал Глеб и вылил воду в раковину.

Источник бесперебойного питания в углу пищал тонко и обречённо, как будильник, который знает, что его всё равно не послушают. Индикаторы на коммутаторах мигали все разом, бешено, в одном ритме, словно стойка отплясывала под техно.

Глеб посмотрел на эту дискотеку ровно три секунды.

— Петля, — сказал он вслух.

Дежурный мастер Серёжа, топтавшийся в дверях, посмотрел на него, как на шамана.

— Чего?

— Кто-то воткнул кабель обоими концами в одну сеть. Сигнал бегает по кругу, размножается, через минуту его столько, что ничего другого по проводам уже не пролезает. Как если в узком коридоре все разом начнут кричать «Пропустите!», — Глеб подошёл к стойке и повёл пальцем по патч-панели. — Кто сегодня что-то подключал?

— Никто, — быстро сказал Серёжа.

— Серёжа.

— Ну… электрики вечером приходили. Кабель тянули для новой камеры. Сказали, у вас там розеток много, мы в свободную воткнём.

— В свободную, — повторил Глеб. — Обоими концами.

— Они ж не знали…

— Никто никогда ничего не знает. В этом вся суть.

Он нашёл нужный провод за четыре минуты. Синий, новенький, ещё в заводской пыли, аккуратно уложенный в кабель-канал и аккуратно же воткнутый в два соседних порта. Глеб выдернул один конец. Индикаторы мигнули, замерли, неуверенно перестали плясать. Через двадцать секунд где-то внизу, в цеху, с облегчённым вздохом запустился первый станок.

— Всё? — не поверил Серёжа.

— Почти. Утром напишу служебку, чтобы электрикам выдали схему и подзатыльник. А пока поставлю защиту от петель, чтобы в следующий раз лёг один порт, а не весь цех.

Он полез на стремянку: коммутатор доступа висел выше

всех, под самым потолком, рядом со старым щитом грозозащиты. Щит этот Глеб ненавидел отдельной ненавистью. Монтировали его, судя по табличке, в 1987 году, а заземление, судя по всему, не проверяли никогда. Три года назад Глеб писал служебку о замене. Ответили: «Денег нет, но вы держитесь».

Он держался.

Ноутбук на коленях, провод в консольный порт коммутатора, чёрное окно терминала и мигающий курсор. Глеб любил этот момент. Всё остальное в жизни было мутным и непредсказуемым: начальники, бывшие жёны, курс рубля. А здесь всё было честно. Ты пишешь команду, железо отвечает. Ошибся — оно скажет. Нет прав — оно скажет. Никакой магии.

switch# configure terminal

За окном громыхнуло, теперь уже совсем рядом. Свет в серверной моргнул. Источник бесперебойного питания взвизгнул и затих.

— Глеб Палыч, может, слезете? — неуверенно сказал Серёжа. — Гроза ж.

— Две минуты.

switch(config)# spanning-tree portfast bpduguard default

Вторая вспышка была так близко, что Глеб увидел через грязное окно мачту освещения на заводском дворе. Её контуры на мгновение стали чёткими и белыми, как на рентгеновском снимке.

«Молния ударила в мачту, — отстранённо подумал он. — От мачты кабель камеры. От камеры кабель — сюда. Через щит, который не проверяли с восемьдесят седьмого года».

Он даже успел подумать, что надо отпустить провод.

Не успел.

* * *

Боли не было. Был звук — низкий, глубокий, как будто кто-то провёл смычком по струне размером с небо. Был свет, но не белый, а какой-то… структурный: тонкие линии, сетка, узлы, и по ним, как по нервам, бежали огоньки. Сетка уходила во все стороны, огромная, старая, местами оборванная, и в одном из узлов этой сетки, далеко-далеко, кто-то тоже падал.

Парень. Худой, в мокрой тёмной одежде, с раскинутыми руками. Он сорвался с какой-то высокой каменной иглы, и вокруг него тоже горели линии, и его тоже ударило…

«Сейчас столкнёмся», — подумал Глеб, совершенно не понимая, кто с кем.

И они столкнулись.

* * *

Пахло травами. Не аптечной ромашкой, а чем-то густым, горьким, с медовым оттенком и дымком, как в бане, куда бабушка в детстве приносила веник из полыни.

Ещё пахло воском и сыростью камня.

Глеб открыл глаза.

Потолок был сводчатый, из серого камня, с почернев-

шими от копоти балками. Под балками висел пучок сухих трав. Свет шёл откуда-то слева — не электрический, тёплый, неровный, дрожащий.

«Реанимация», — подумал Глеб. Потом подумал: «В нашей ЦРБ нет сводчатых потолков». Потом попытался сесть.

Тело послушалось не сразу и как-то неправильно. Оно было слишком лёгким. Рука, которую он поднял к лицу, тоже была неправильной: тонкой, бледной, с острыми костяшками и длинными пальцами. На запястье чернел странный знак — круг, внутри него угловатые линии, как схема, нарисованная углём. Ни мозолей от отвёрток, ни шрама от лопнувшего стекла, ни часов.

Глеб пошевелил пальцами. Пальцы пошевелились.

— Так, — сказал он вслух.

Голос тоже был не его. Ломкий, высокий, с хрипотцой.

— Так, — повторил он тише. — Спокойно. Паника — это когда ты не знаешь, где логи.

— Ян?

Женщина появилась откуда-то сбоку, из-за ширмы. Немолодая, сухая, в длинном сером платье с широкими рукавами, подпоясанном шнуром, на котором висели мешочки, ножницы и связка маленьких ключей. Глаза у неё были светлые, усталые и очень внимательные.

— Ян Сорель, — сказала она медленно, как говорят с контуженными, — вы меня слышите?

«Ян, — подумал Глеб. — Ян Сорель. Хорошо. Допустим».

— Слышу, — осторожно ответил он.

— Как вас зовут?

Вопрос с подвохом. Глеб двадцать лет разговаривал с людьми, которые на вопрос «вы что-нибудь меняли?» уверенно отвечали «нет». Он знал, что честный ответ не всегда лучший.

— Ян, — сказал он. — Сорель.

Женщина выдохнула. Плечи у неё опустились.

— Хвала Первому Огню. Вы три дня не приходили в себя, молодой человек. Магистр Ферро уже велел написать вашему отцу. — Она приложила сухую прохладную ладонь к его лбу. От ладони пошло лёгкое покалывание, и где-то на краю зрения что-то… дёрнулось. — Жара нет. Голова болит?

— Болит, — честно сказал Глеб.

Голова действительно болела. Не снаружи — внутри, как будто в неё насильно залили чужую память и забыли утрамбовать. Обрывки всплывали и тонули: каменный двор, мальчишки в синих куртках, чей-то смех — злой, звонкий. Мокрые скобы под пальцами. Ветер. Вспышка.

— Ещё бы она не болела, — сестра (лекарка? знахарка?) поджала губы. — Лезть на Шпиль. В грозу. На спор. Вас ударило прямо с вершины, юноша. Любого другого убило бы на месте.

— А меня почему не убило? — спросил Глеб. Ему действительно было интересно.

Женщина замялась, и в её глазах мелькнуло что-то похо-

жее на жалость.

— Говорят, Шпиль не трогает глухих, — сказала она наконец. — Его сила проходит сквозь них, как вода сквозь сито. Простите. Это старое поверье. Отдыхайте.

Она ушла за ширму. Глеб остался один.

Он лежал и смотрел в потолок. Очень, очень спокойно.

«Итак, — подумал он, — что мы имеем. Удар током, вероятно, смертельный. Пробуждение в чужом теле. Сводчатые потолки, свечи, Первый Огонь, какой-то Шпиль, на который я полез на спор. Глухой — видимо, местный диагноз».

«Классический сценарий. Глава первая. Сейчас перед глазами вспыхнет полупрозрачное окно».

Он подождал, но окно так и не вспыхнуло.

— Ну и правильно, — пробормотал Глеб. — Бредятина.

И тут заметил курсор.

Он был в самом углу поля зрения, внизу слева, там, где обычно плавают мушки, если долго смотришь в монитор. Маленький, тусклый, серо-голубой прямоугольник. Он мигал. Ровно, раз в секунду, с той самой терпеливой интонацией, с которой мигает курсор в окне терминала, когда железо ждёт команду.

Глеб закрыл глаза — курсор остался прямо на изнанке век. Открыл — курсор мигал. Перевёл взгляд на свечу, на балку, на пучок трав. Курсор послушно ехал вместе со взглядом, как пятно после вспышки фотоаппарата. Только пятна не мигают с частотой ровно в один герц.

— Нет, — сказал Глеб. — Нет-нет-нет. Никаких окон. Я три года ругался на эти книжки.

Курсор мигнул.

Глеб глубоко вдохнул. Медленно выдохнул. Потом, чувствуя себя полным идиотом, мысленно, отчётливо, по буквам, как набирал тысячу раз в тысяче чёрных окон, «напечатал»:

help

Секунду-другую ничего не происходило. Потом курсор дёрнулся, и в углу зрения поползла строка. Сначала это были не буквы — угловатые знаки, похожие на тот, что чернел у него на запястье, острые, ломаные, совершенно незнакомые. Глеб уставился на них, и голова отозвалась вспышкой боли — будто кто-то пытался вставить в разъём штекер не той стороной. Знаки поплыли, задрожали, перестроились…

…и сложились в слова.

УЗЕЛ: Корвальд-Северный (№ 7)

ОБНАРУЖЕН СЛУЖЕБНЫЙ КЛЮЧ.

УРОВЕНЬ ДОСТУПА: не определён.

ВВЕДИТЕ ИДЕНТИФИКАТОР.

>

Глеб перестал дышать.

Не потому, что испугался. Испугаться он ещё успеет. А потому, что это был не полупрозрачный голубой интерфейс с золотыми рамочками, как в аудиокнигах. Это была консоль. Сухая, равнодушная, честная. Такая, какую он видел каждый

день двадцать лет подряд.

Узел. Служебный ключ. Идентификатор.

Его что, просят залогиниться?

Губы сами расползлись в нервной, неуместной, совершенно идиотской улыбке.

«Ладно, — подумал Глеб. — Ладно. Сыграем».

Что пишет любой инженер, когда видит незнакомое железо? Что он пишет, когда документации нет, пароль никто не помнит, а поставщик давно обанкротился? Правильно. То, что написано на наклейке на днище коробки. То, что девяносто процентов ленивых монтажников оставляют навсегда.

admin

ИДЕНТИФИКАТОР НЕ ПРИНЯТ.

ОТКАЗАНО.

Глеб тихо рассмеялся, и смех отозвался в рёбрах тупой болью.

— Ну надо же, — прошептал он. — Пароль по умолчанию сменили. Хоть кто-то в этом мире думает о безопасности.

Он хотел было попробовать «root», потом «guest», потом… но строка снова поползла:

ПРЕВЫШЕНО ЧИСЛО ПОПЫТОК ДЛЯ НЕАВТОРИЗОВАННОГО КЛЮЧА.

ПОВТОРНАЯ ПОПЫТКА ЧЕРЕЗ: 23:59:58

Цифры дрогнули. 23:59:57. 23:59:56.

— Одна попытка, — сказал Глеб в потолок. — Одна попытка в сутки. Кто вас настраивал, ребята? Параноики?

Курсор мигнул. Ему, кажется, было всё равно.

Где-то за ширмой хлопнула дверь, послышался топот, звон опрокинутого таза и испуганное «Простите, госпожа Илва!». Потом из-за ширмы вылетел тощий взъерошенный парень — по возрасту, наверное, ровесник Яна, а на вид едва ли старше шестнадцати, в синей куртке с прожжённым рукавом и с глазами размером с блюдце.

— Ян! — выдохнул он. — Ты живой! Ты правда живой! Я говорил им, что ты не умрёшь, а Кассиан сказал… неважно, что он сказал, он свинья! Я принёс тебе пирог! Он с капустой, правда, но больше ничего не было…

Парень сунул ему в руки свёрток, от которого пахло капустой, маслом и почему-то серой.

Глеб посмотрел на свёрток. На парня. На мигающий в углу зрения таймер.

23:59:41.

В голове всплыло чужое — тёплое, привычное: *Тоби. Сосед по комнате. Боится темноты, взрывает колбы, делится последним.*

— Спасибо, Тоби, — сказал Глеб голосом Яна Сореля.

И впервые за три года ему стало по-настоящему интересно, что будет в следующей главе.

Глава 2

Утром госпожа Илва принесла медный таз с тёплой водой, полотенце и чистую рубаху и велела умыться самому — «раз уж вы у нас теперь такой разговорчивый».

Глеб наклонился над тазом и замер.

Из воды на него смотрел чужой мальчишка. Узкое бледное лицо, какое бывает у людей, выросших на севере и мало бывавших на солнце. Острые скулы, упрямый подбородок, рот, который, кажется, привык быть сжатым. Тёмные прямые волосы, обстриженные кое-как, явно не цирюльником, лезли в глаза. Глаза были серые, тёмные, как мокрый сланец, и смотрели настороженно, исподлобья, будто заранее ждали, что их обидят.

А у левого виска, в тёмных волосах, белела прядь. Совсем седая, шириной в палец.

Глеб осторожно тронул её мокрыми пальцами. Память Яна отозвалась растерянно: прежде пряди не было. Её оставила молния.

«Восемнадцать лет, — подумал Глеб, глядя в воду. — И седой висок. Ну, хоть что-то от меня в этом лице есть».

Он стянул через голову больничную рубаху, серую, до колен, с рукавами до самых костяшек, чтобы переодеться в чистую, — и увидел второе. Вчера, в полутьме лазарета, он разглядел только кисть и знак на запястье: остальное закрывал

длинный рукав.

От левого плеча вниз, по ключице и через предплечье почти до самого запястья с печатью, по коже тянулся узор. Тонкие розоватые ветви, похожие на отпечаток папоротника или на трещины во льду. Они расходились от одной точки на плече, ветвились, ветвились снова и сходились в узлы. Не больно. Только чуть теплее, чем остальная кожа.

Глеб видел такое на фотографиях: след от удара молнии, ожог, который рисует на теле путь разряда. Обычно он сходит за несколько дней.

Только смотрел он на этот узор не как на ожог. Он смотрел на него так, как двадцать лет смотрел на схемы. Вот точка входа. Вот магистраль. Вот ветвление, вот узел, от узла три линии, одна — длинная, к запястью, к печати. Звезда. Дерево.

Топология сети.

— Это от Шпиля, — сказала за спиной госпожа Илва. Он не слышал, как она вошла. — Я такое видела дважды за тридцать лет. У тех, кого задело и кто выжил. — Она помолчала. — Не сойдёт, молодой человек. Привыкайте.

— Красиво, — сказал Глеб.

Госпожа Илва посмотрела на него как на человека, у которого всё-таки повреждена голова, и вышла.

Глеб надел чистую рубаху, застегнул рукав поверх узора и ещё раз посмотрел в таз. Чужой мальчишка с седой прядью смотрел в ответ. Сутулился: плечи сами собой подавались

вперёд, будто тело Яна всю жизнь пыталось занять поменьше места.

Глеб выпрямился. Тело неохотно, но послушалось.

«Ладно, — сказал он мальчишке в воде. — Будем знакомы».

Из лазарета его выпустили через пару часов. Госпожа Илва долго светила ему в глаза маленьким кристаллом на цепочке, заставляла следить за пальцем, считать до двадцати и обратно, а потом махнула рукой:

— Голова цела, остальное заживёт. На Шпиль больше не лезьте. Хотя бы до выпуска.

— А после выпуска можно? — спросил Глеб.

Госпожа Илва посмотрела на него так, что он решил больше не шутить с местной медициной.

Тоби ждал под дверью. Судя по помятому виду, ждал давно и, возможно, спал прямо тут, на скамейке.

— Я понесу твои вещи! — объявил он.

— У меня нет вещей.

— Тогда… я понесу тебя? Если нужно?

— Не нужно, — сказал Глеб и, чуть подумав, добавил: — Но спасибо.

Тоби просиял так, будто ему вручили орден.

— Тогда пошли, — сказал он. — А комнату нашу я тебе вечером покажу. Ты же помнишь, где наша комната? — Он посмотрел на Глеба и сам себе ответил: — Не помнишь. Ничего, разберёмся.

Лазарет, как оказалось, занимал угол восточного крыла. Стоило выйти за его дверь, и они очутились в длинной галерее, а дальше — в самой Академии.

* * *

Академия Корвальда оказалась огромной.

Глеб ожидал замок — башенки, флаги, всё как на обложках. Замок и был: серый, массивный, с узкими окнами и галереями. Но больше всего он напоминал Глебу родной завод. Тот же упрямый камень, переживший несколько эпох. Те же следы бесконечных перестроек: здесь пристроили крыло, там заложили арку, тут прорубили дверь, а старую забыли. Те же провода — нет, не провода, медные желоба под потолком, по которым тянулись какие-то бледно светящиеся жилы. Глеб машинально проследил, куда они идут. Все сходились к главной башне, а дальше — в одну сторону. На север.

— Что это? — спросил он, кивнув на желоба.

Тоби посмотрел на него с тревогой.

— Жилы. Ну… от Шпиля. Свет, тепло в спальнях, печи в алхимической. Ты же знаешь.

— Я… не всё помню, — сказал Глеб. Это было даже правдой. — После удара. Как будто кусками.

Тоби остановился посреди галереи. Лицо у него стало очень серьёзным.

— А меня ты помнишь?

Глеб прислушался к себе. Где-то в глубине чужой памяти,

как в плохо проиндексированном архиве, лежали папки. Одни открывались сразу. Другие — с болью. Третьи — только если наткнуться на правильное слово.

Тоби. Первая ночь в Академии. Ян сидит на кровати, не разбирая сундук, потому что отец сказал на прощание: «Постарайся хотя бы не опозорить фамилию». Тоби — с соседней кровати: «Хочешь, я покажу тебе фокус? Я умею делать, чтобы вода светилась. Ну, иногда она взрывается, но в основном светится…»

— Помню, — сказал Глеб. — Вода, которая светится. Иногда взрывается.

Тоби шмыгнул носом и отвернулся.

— Ладно, — сказал он подозрительно бодро. — Тогда я тебе расскажу остальное. По пути. Нам всё равно на Основы формул, а магистр Ферро опоздавших превращает в пример.

— В смысле?

— В смысле показывает на них, что бывает, если в формуле ошибиться. Сам увидишь.

* * *

Пока они шли, Глеб слушал, кивал и раскладывал всё по полочкам. Привычка: когда попадаешь на чужой объект, сначала рисуешь схему. Кто кому подчиняется, что откуда питается, где узкие места.

Схема выходила такая.

Магия здесь шла от **Шпилей** — огромных каменных игл, поставленных древними Предтечами. Один такой стоял в

центре Корвальда, на холме за рынком: Северный Шпиль. Чем ближе к Шпилю, тем легче колдовать. Чем дальше — тем труднее. В нескольких днях пути от любого Шпиля магия почти исчезала. Там начиналась **Пустошь**.

Чтобы колдовать, нужна **Печать**. Её ставит Гильдия Ключников каждому одарённому ребёнку в двенадцать лет. Печать — как пропуск: она «звучит» в ответ Шпилю, и тот отдаёт силу. Сильная печать — много силы. Слабая — мало.

У Яна Сореля печать была **глухая**. Она почти не звучала. Ключники так и не смогли понять почему: знак правильный, а отклика нет. Поставили на всякий случай, раз уж отец платил. Отец платил ещё год, ругаясь всё громче.

— А в конце триместра экзамен, — закончил Тоби, понизив голос. — Через месяц. Ну, теперь уже… через двадцать девять дней. Кто не покажет хотя бы базовую формулу — отчисляют. И…

— И?

— И Кассиан сказал, что глухим на экзамене делать нечего и лучше сразу домой. А ты сказал, что докажешь. А он сказал, если ты такой смелый, лезь на Шпиль в грозу, Шпиль тебя услышит. А ты… полез.

Глеб молчал. Чужая память подкинула картинку: мокрые скобы, ветер, внизу маленькие фигурки и чей-то смех. Парню было очень страшно. И очень обидно. Обида оказалась сильнее.

— Дурак, — сказал Глеб вслух.

— Кассиан?

— Я. Ну и Кассиан. Но в основном я.

Тоби посмотрел на него странно.

— Ты раньше так не говорил.

— Как?

— Спокойно, — Тоби подумал. — Как взрослый.

«Молодец, — мысленно похвалил себя Глеб. — Полдня в новом мире, а тебя уже вычислил восемнадцатилетний алхимик, который выглядит на шестнадцать. Конспирация уровня “бог”».

— Меня ударило молнией, — сказал он. — Это заставляет повзрослеть.

* * *

Аудитория Основ формул напоминала амфитеатр: полукруглые ряды скамей поднимались от кафедры к потолку, а за кафедрой во всю стену чернела доска — гладкая, как вулканическое стекло, с тонкими серебряными линиями.

Они успели. Почти. Магистр Ферро — высокий, лысый, с бородой, заплетённой в косичку, — бросил на них ровно один взгляд, и Глеб понял, что «почти» здесь не считается.

— Сорель, — произнёс магистр. — Воскрес.

По рядам прошёл смешок.

— Так точно, магистр, — сказал Глеб.

Смешок стал громче. Ферро чуть приподнял бровь, но промолчал. Тоби дёрнул Глеба за рукав и потащил на верхний ряд, к самой стене, где сидели, видимо, все, кому не по-

везло с печатями, фамилией или чувством самосохранения.

Глеб сел и огляделся.

Курс человек сорок. Сословия читались сразу: внизу, в первых рядах, — дорогие куртки, вышитые гербы, аккуратные стрижки. Выше — проще. На самом верху — заплатки.

В первом ряду, прямо по центру, сидела девушка с очень прямой спиной. Светлые волосы стянуты в тугую косу, ни одной выбившейся пряди. Перед ней лежала стопка записей, сложенная так ровно, что Глеб, у которого на столе всю жизнь царил хаос, ощутил что-то вроде профессионального уважения.

Вероника Арвель, — подсказала чужая память. *Лучшая на курсе. Дочь главы Гильдии. Никогда не смотрит наверх.*

Через три места от неё, развалившись, сидел широкоплечий темноволосый парень. Красивый, наглый, с тем выражением лица, которое у людей бывает, когда им ни разу в жизни не говорили «нет». Он обернулся, нашёл глазами Яна и медленно, с удовольствием, ухмыльнулся.

Кассиан Дорн.

Тот самый смех со двора, когда Ян висел на скобах.

Глеб посмотрел на Кассиана спокойно и внимательно, как смотрел на электриков, которые воткнули кабель обоими концами в одну сеть. Без злости. С интересом: «Ну и что ты ещё сломаешь?»

Ухмылка у Кассиана чуть дрогнула. Он отвернулся первым.

— Сегодня, — голос Ферро разрезал гул, как нож, — повторяем «Искру». Базовая формула. Её на экзамене покажет каждый, кто хочет остаться в этих стенах.

Он поднял руку, и на чёрной доске, вслед за его пальцем, побежали серебряные строки.

Глеб смотрел и чувствовал, как у него медленно открывается рот.

Это был код.

Нет, не буквально. Знаки были те же, угловатые, как на его запястье. Но стоило вглядеться — и голова снова отозвалась уколом, и знаки поплыли и сложились во что-то понятное. Не в слова даже — в структуру. В последовательность шагов. Вот обращение к источнику. Вот запрос силы. Вот преобразование. Вот вывод — в точку на кончике пальца.

А между ними…

Между ними было **очень много лишнего**.

— «Призываю тебя, Первый Огонь, хранитель очага и меча», — нараспев читал Ферро, ведя пальцем по строке. — Обязательное обращение. «Именем Шпиля, что стоит на холме». Обязательное подтверждение источника. «Трижды прошу и трижды благодарю»…

Глеб смотрел, как на доске три раза подряд повторяется один и тот же блок. Запрос. Запрос. Запрос. Каждый — с полной «подписью», как будто Шпиль мог забыть, кто к нему обращается, за долю секунды.

«Это же как… — Глеб даже зажмурился, подбирая срав-

нение, — как если ты звонишь в диспетчерскую и три раза подряд представляешься полным именем, должностью и номером паспорта, прежде чем сказать “дайте свет в цех”. А потом ещё три раза благодаришь. А потом вешаешь трубку и звонишь снова, чтобы сказать, что повесил трубку».

— Формула стоит пять единиц силы, — продолжал Ферро. — Для большинства из вас это одна десятая запаса. Для некоторых, — он не посмотрел наверх, но все и так поняли, — это непозволительная роскошь.

По рядам прошли смешки.

— Вопросы?

Глеб поднял руку прежде, чем успел подумать.

Тоби рядом тихо застонал.

Магистр Ферро посмотрел на поднятую руку так, как смотрят на говорящую табуретку.

— Сорель?

— Магистр, — Глеб встал. Ноги ещё чуть дрожали. — А зачем три раза?

Тишина в аудитории стала густой.

— Простите?

— Блок запроса, — Глеб показал на доску. — Он повторяется три раза. С полным обращением. Если Шпиль ответил на первый запрос, зачем ещё два?

Где-то внизу кто-то фыркнул. Вероника Арвель впервые за всё время чуть повернула голову, так, чтобы увидеть верхний ряд краешком глаза.

Ферро молчал долгую секунду.

— Потому что так написано в каноне, Сорель, — сказал он наконец очень ровно. — Формулы переданы нам Предтечами. Их не меняют. Их не обсуждают. Их учат. Те, кто пытался менять, обычно потом лежат в лазарете. Или не лежат нигде.

— А пробовал кто-нибудь…

— Садитесь, Сорель. Пример того, что бывает, когда в формуле ошибаются, я покажу на вас. На экзамене. Если вы на него придёте.

Аудитория засмеялась. Кассиан смеялся громче всех.

Глеб сел.

Ему не было обидно. Ему было интересно — и немного страшно. Как в тот раз, лет пятнадцать назад, когда он впервые открыл конфигурацию заводской сети, которую до него десять лет вёл человек, «знавший, как правильно». Всё работало. Все боялись трогать. И везде, в каждой строке, было наворочено столько лишнего, что половина пропускной способности уходила на то, чтобы оборудование само себе напоминало, кто оно такое.

Тогда он вычистил всё за месяц. Сеть заработала в три раза быстрее. Начальник сказал: «Ну вот, а ты ещё зарплату просишь, раз оно и так работает».

«Может, тут тоже, — подумал Глеб, глядя на серебряные строки, — никто просто ни разу не пробовал?»

* * *

После лекций Тоби утащил его обедать.

Столовая Академии располагалась в полуподвале под Большим залом: длинное сводчатое помещение с узкими окнами под самым потолком, через которые видны были только ноги прохожих во дворе. Столы стояли рядами, и Глеб сразу понял, что рассадка здесь такая же, как в аудитории. У дальней стены, возле большого очага, за столом со скатертью сидели те, у кого были вышитые гербы; им подавали служки в фартуках, и пахло оттуда жареным мясом. Ближе к двери — длинные голые столы, деревянные миски и очередь к окошку раздачи.

— Нам туда, — сказал Тоби, кивнув на очередь. — Ты на казённом коште. Твой отец платит за стол, но только за общий. А мне платит Академия, я на стипендии. Так что мы с тобой в одном классе, — он ухмыльнулся, — в смысле, в одном котле.

В окошке раздачи толстая повариха плеснула им по миске похлёбки — густой, мутной, с ячменём и чем-то, что, возможно, когда-то было бараниной, — сунула по ломтю серого хлеба и по варёной репе. Тоби тут же переложил свою репу Глебу.

— Тебе надо восстанавливаться!

— А ты?

— А я репу не люблю, — честно сказал Тоби. — Но так звучит благороднее.

Глеб ел и смотрел по сторонам — так, как смотрел бы на

новом объекте. Под потолком тянулись те же медные желоба с бледно светящимися жилами, что и в галереях, а от них к каждой лампе над столами шёл тонкий отвод. Котлы на кухне, судя по тому, что он видел через окошко, грелись не огнём: под ними светились какие-то плоские камни, и повариха время от времени шлёпала по одному ладонью, как шлёпают по капризному телевизору. Картошки не было вовсе. Глеб поискал её глазами, понял, что не найдёт, и неожиданно расстроился сильнее, чем из-за всего остального за эти два дня.

Тоби болтал без остановки: кто с кем дружит, кто кому должен, у кого из магистров лучше не опаздывать, во сколько закрывают ворота спального крыла и почему ни в коем случае нельзя брать вторую булку в пятницу. Глеб слушал вполуха и запоминал главное. Это тоже была привычка: в первую неделю на новом месте узнаёшь больше из болтовни в курилке, чем из всех инструкций.

Потом была библиотека.

Она занимала весь второй этаж восточного крыла — высокий зал с галереей по периметру, лестницами на колёсиках и запахом пыли, клея и старой кожи. Библиотекарь, сухой старичок в нарукавниках, выслушал просьбу «что-нибудь про формулы, потолще, и про Шпили» и посмотрел на Яна Сореля так, как Ферро смотрел на поднятую руку. Но книги выдал: три толстенных тома о формулах и одну тонкую, потрёпанную — «Шпили королевства Тарвен, их исто-

рия и надлежащее почитание».

Формулы Глеб отложил на завтра. Сначала — документация на систему, а она, судя по названию, была во второй книге.

Документацией это, конечно, не было. Две трети книги рассказывали, как велики Предтечи и как следует благоговеть перед их дарами. Но в середине нашёлся список Шпилей королевства — сорок с лишним названий, с годом последнего «большого ритуала» напротив каждого. А на развороте была карта: королевство, крупные Шпили синими точками, маленькие — точками поменьше, и вокруг каждого кружок, «пределы благодати».

Несколько точек были перечёркнуты. Рядом мелким почерком позднего переписчика: «угас». Вельск. Ривен. Ещё два названия, которых Глеб не знал.

Он долго смотрел на эти кресты. Сначала просто так, потом — внимательно, как смотрят на схему, где что-то не сходится. Перечёркнутые точки не были разбросаны как попало. Они шли цепочкой: с юго-востока, из-за края карты, где картограф не нарисовал ничего, кроме штриховки и слова «Пустошь», — наискосок, на северо-запад. Ровно в сторону Корвальда.

Как трещина, которая ползёт по стеклу.

— Ян, — шёпотом позвал Тоби из-за соседнего стеллажа. — Библиотеку закрывают. Пошли, а то он нас тут запрёт, с него станется.

Глеб закрыл книгу и сунул её под мышку вместе с остальными. А потом наступил вечер.

Глеб вышел на галерею, ведущую к спальному крылу, и остановился.

Отсюда был виден Северный Шпиль.

Он стоял на холме над крышами Нижнего города — тонкая каменная игла, уходящая в сизое вечернее небо. Выше любой колокольни, выше любой башни, какую Глеб видел в жизни. По его граням бежали тусклые голубые огни — снизу вверх, снизу вверх, ровным, медленным ритмом, как дыхание спящего.

Это было невероятно красиво. Глеб смотрел минуту, другую — и почувствовал, как у него внутри что-то профессионально напрягается.

Ритм был неровным.

Огни шли снизу вверх: раз, два, три, четыре… На пятом — короткая, почти незаметная запинка, будто свет споткнулся. Потом снова: раз, два, три, четыре — запинка. И ещё: иногда, примерно раз в полминуты, весь Шпиль на долю мгновения тускнел целиком, а потом вспыхивал чуть ярче, чем нужно.

Глеб видел такое тысячу раз. Не на Шпилях. На блоках питания. Так мигает индикатор на старом блоке, у которого высохли конденсаторы. Он ещё работает. Он ещё держит. Но каждый раз, когда нагрузка чуть подскакивает, напряжение проседает, и он едва-едва вытягивает. А потом однажды не

вытягивает.

«Совпадение, — сказал он себе. — Ты переносишь свою профдеформацию на древний магический артефакт. Может, он всегда так мигает. Может, так задумано».

Курсор в углу зрения мигнул.

Глеб посмотрел на таймер. Он и забыл про него — а тот всё это время тихо отсчитывал.

00:00:04… 00:00:03… 00:00:02… 00:00:01.

БЛОКИРОВКА СНЯТА.

ВВЕДИТЕ ИДЕНТИФИКАТОР.

>

Сердце стукнуло: попытка одна, следующая — только через сутки.

Что пишет инженер, когда не знает пароля?

Он не пишет «admin» второй раз. Он ищет учётку, которая есть почти везде и у которой почти никогда нет пароля. Учётку для тех, кто пришёл посмотреть и ничего не трогать. Для проверяющих, для экскурсий, для начальства, которое хочет «просто видеть цифры».

guest

Ответа не было секунды три, и Глеб понял, что задержал дыхание.

ИДЕНТИФИКАТОР ПРИНЯТ.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ГОСТЬ.

УРОВЕНЬ ДОСТУПА: 0 (Гость)

ДОСТУПНЫЕ КОМАНДЫ: help, status

Напоминание: гостевой доступ предназначен для ознакомления.

Пожалуйста, ничего не трогайте.

Глеб тихо засмеялся в кулак, чтобы не услышали в коридоре.

— «Пожалуйста, ничего не трогайте», — прошептал он. — Восемьсот лет прошло, а надпись на серверной та же.

Он набрал:

status

В углу зрения развернулось что-то вроде таблички. Не красивое окно с рамочками — сухой отчёт, ровные колонки, как в выводе любой команды диагностики.

=== КЛЮЧ ===

Владелец: не зарегистрирован

Тип ключа: СЛУЖЕБНЫЙ (класс не определён)

Уровень доступа: 0 — Гость

=== НОСИТЕЛЬ ===

Ёмкость: 3 / 3

Пропускная способн.: 1 ед./сек

Задержка: 2,4 сек

Стабильность: 41 / 100 (повреждения: тепловые, нервные)

Примечание: носитель не соответствует служебному стан-

дарту.

Рекомендация: заменить носитель.

— Сам ты носитель, — обиделся Глеб. — Не соответствует ему. Меня молнией ударило. Два раза. В двух мирах.

Три единицы. Ферро сказал — «Искра» стоит пять. Значит, на экзамене Ян Сорель не сможет сделать даже самую простую формулу. Даже если очень захочет. Даже если залезет на Шпиль ещё раз.

«Если только, — подумал Глеб, — формула не будет стоить меньше».

Он машинально пролистал ниже — мысленно, как прокручивают вывод в терминале. Таблица тянулась дальше.

=== УЗЕЛ (публичные данные) ===

Название: Корвальд-Северный (№ 7)

Связь с сетью: 1 из 6 соседних узлов (5 — нет ответа)

Обслуживание: последнее штатное — 812 лет назад

последнее нештатное (ритуальное) — 9 дней назад

Состояние узла: 23 %

Прогноз отказа: 61 сутки

Публичный статус: ДЕГРАДАЦИЯ. Работы ведутся.

Глеб перечитал последние строки дважды. «Работы ведутся». Восемьсот двенадцать лет без обслуживания, пять соседей из шести молчат, двадцать три процента.

И шестьдесят одни сутки.

Он поднял глаза. Шпиль на холме мерцал голубыми огня-

ми, всё так же спотыкаясь на пятом. Под ним, в сумерках, зажигались окна Нижнего города — сотни, тысячи окон, тёплых, жёлтых, живых. Где-то там смеялись, ругались, укладывали детей, ставили на стол ужин. Свет в этих окнах шёл по тем же жилам, что и в Академии. От Шпиля.

«Все, кто там живёт, — подумал Глеб, — понятия не имеют, что у них есть публичная страница статуса».

«И что на ней, как всегда, всё плохо».

Курсор мигал. Терпеливо, ровно, раз в секунду. Будто спрашивал: *ну что, инженер? Так и будешь стоять?*

Глеб глубоко вдохнул холодный вечерний воздух.

— Шестьдесят дней, — сказал он вслух. — Ладно. У меня бывали дедлайны и хуже.

Это была неправда.

Но в двух мирах ещё ни один инженер не начинал работу с правды.

Глава 3

Книги о формулах оказались написаны так, как пишут инструкции люди, которые сами в них ничего не понимают.

«Трактат о первоначальных началах огненного искусства» на сорок страниц рассказывал, как велик Первый Огонь, и на сорок первой приводил формулу «Искры». Без единого объяснения. «Наставление юному магу» начиналось с того, что формулы — дар Предтеч, а «дерзнувший исказить дар обрекает себя на кару». Дальше шёл список кар, подробный и с картинками. Третья книга, «Основы плетения» магистра Ферро, была самой толковой: её хотя бы можно было читать. Но и там на вопрос «почему» отвечали одинаково: «так установлено».

Глеб сидел в библиотеке с утра. Тоби сначала сидел рядом, потом лежал рядом, потом ушёл на алхимию, пообещав вернуться с обедом. Пыль кружилась в косых лучах из высоких окон. Где-то за стеллажами шуршал библиотекарь — сухой старичок, который каждые полчаса проходил мимо и смотрел на Яна Сореля с подозрением, будто тот собирается съесть книгу.

Глеб не собирался. Он рисовал схему.

На листе серой бумаги, украденном из стопки для записей, постепенно вырастала таблица. Слева — строки формулы «Искры», как их диктовал Ферро. Справа — что каждая

строка, по мнению Глеба, делает.

Получалось вот что.

«Призываю тебя, Первый Огонь, → обращение к источнику

хранитель очага и меча» → (украшение?)

«Именем Шпиля, что стоит на холме» → указание адреса: какой Шпиль

«Я, носящий печать…» → предъявление ключа

«Трижды прошу и трижды благодарю» → ???

[запрос силы] × 3 → сам запрос. Три раза.

[преобразование: тепло в точку] → полезная работа

[благодарность] × 3 → ???

Полезной работы — две строчки. Остальное — разговоры.

«Хорошо, — думал Глеб, грызя деревянный стержень пера. — Допустим, обращение нужно. Шпиль должен понять, что к нему обращаются, а не просто человек шепчет себе под нос. Допустим, адрес нужен: Шпилей много. Ключ, конечно, нужен. Но зачем три запроса?»

Он закрыл глаза и вспомнил серверную на заводе. Старый коммутатор, который ставили ещё при прошлом начальнике. Сеть тогда была медленная и дырявая, пакеты терялись, и кто-то настроил всё так, чтобы каждый запрос отправлялся по несколько раз: вдруг первый не дойдёт. Сеть давно поменяли, а настройку так и не убрали. Все запросы летали по три раза, каждый ответ приходил трижды, и никто не пом-

нил почему. «Так было настроено».

— Повторы, — сказал Глеб вслух.

Библиотекарь за стеллажом подпрыгнул.

Глеб понизил голос и наклонился к листу.

Восемьсот лет назад сеть Шпилей была молодой и, наверное, перегруженной: маги на каждом углу, все тянут силу одновременно. Запрос мог потеряться. Поэтому формулу составили с повторами: попроси трижды, хоть один дойдёт. А «трижды благодарю» — это, наверное, подтверждение. Закрыть разговор. Сказать Шпилю: «Получил, спасибо, больше не надо». Трижды — на тот случай, если первое «спасибо» тоже потеряется.

Только сейчас магов стало в разы меньше. А Шпиль… Шпиль отвечает на первый запрос. Наверняка. И потом ещё два раза тратит силу на то, чтобы ответить на запросы, которые ему уже не нужны.

«Пять единиц, — подумал Глеб. — Из которых полезных, может быть, одна».

Он посмотрел на своё запястье. Знак Печати — круг, внутри угловатые линии — казался в солнечном луче почти чёрным.

Три единицы маны. Если «Искра» стоит пять, он не сделает её никогда. Если одну…

Он сложил лист вчетверо и сунул за пазуху.

* * *

Проверять решил вечером, в пустом учебном дворике за

алхимической башней. Тоби сказал, что туда никто не ходит, потому что там когда-то кто-то взорвался. Тоби сказал это с гордостью, и Глеб решил не уточнять, кто именно.

Дворик был маленький, мощёный, с засохшим фонтаном посередине и пятном копоти на стене, похожим на силуэт человека с поднятыми руками. Глеб старался на него не смотреть.

— Значит, так, — сказал он Тоби, который сидел на краю фонтана и нервно грыз ноготь. — Если я упаду, ты бежишь за госпожой Илвой. Если загорюсь, ты меня тушишь, а потом бежишь за госпожой Илвой. Если взорвусь…

— Не надо! — пискнул Тоби.

— …то никуда бежать не надо, — закончил Глеб. — Шучу. Взрываться тут нечему. У меня всего три единицы.

— Ты собираешься менять формулу, — сказал Тоби тихо. Не спросил — сказал. — Ферро же говорил. Каноническую формулу. Ян, за это… за это отчисляют. И это если повезёт.

Глеб посмотрел на него. Тоби был бледный, кончики ушей у него горели, и он смотрел на Глеба так, как смотрят на друга, который стоит на краю крыши.

«А ведь он реально боится, — подумал Глеб. — Не за себя. За меня. За Яна».

— Тоби, — сказал он мягче. — Через двадцать восемь дней у меня экзамен. Каноническая «Искра» стоит пять единиц. У меня три. Меня отчислят в любом случае. Вопрос только в том, попробую я что-то сделать или нет.

Тоби молчал долго. Потом сполз с фонтана, подобрал с земли обломок кирпича и сел обратно.

— Это зачем? — спросил Глеб.

— Если загоришься, — серьёзно сказал Тоби, — я сначала кину в тебя этим. Чтобы ты упал и катался. Так в книжке написано.

Глеб засмеялся. Первый раз за эти дни — по-настоящему, от живота, до слёз.

— Договорились.

* * *

Первая попытка закончилась быстро.

Глеб встал в центре двора, вытянул руку и начал проговаривать формулу — про себя, мысленно, как учил Ферро: «Формула не звучит в воздухе. Формула звучит в печати». Он решил начать смело. Что говорят сисадмины, когда хотят что-то проверить? «Убираем всё лишнее и смотрим, что сломается». Он выкинул обращение, адрес, повторы и благодарности. Оставил только запрос и преобразование.

[Запрос силы]. [Тепло — в точку].

Курсор в углу зрения дёрнулся.

ЗАПРОС ОТ НЕОПОЗНАННОГО ИСТОЧНИКА.

ОТКЛОНЕНО.

А потом что-то вернулось. Не сила — удар. Будто Глеб ткнул пальцем в розетку, и розетка ткнула в ответ. Запястье обожгло, перед глазами полыхнуло белым, в ушах зазвенело, во рту появился вкус меди.

Он обнаружил, что сидит на холодных камнях дворика, а из носа на них капает красное.

— Ян! — Тоби уже был рядом, с кирпичом наготове. — Ты горишь?!

— Нет, — сказал Глеб, зажимая нос рукавом. — Отставить кирпич.

— Тебе плохо? Позвать госпожу Илву?

— Нет. Нормально. Всё нормально.

Голова звенела, как колокол. Глеб не обращал внимания. Он смотрел на строку, которая медленно гасла в углу зрения.

Неопознанный источник.

Шпиль не знал, кто к нему обращается. Конечно. Он выкинул «Я, носящий печать» — то есть не предъявил ключ. Это как подключиться к чужому коммутатору и, не залогинившись, сразу вбить команду на перенастройку. Железо ответит «доступ запрещён» и запишет попытку в журнал безопасности. А здешнее железо, судя по крови из носа, ещё и даёт сдачи.

— Значит, авторизация обязательна, — пробормотал он сквозь рукав. — Хорошо. Логично. Хоть что-то тут логично.

— Что? — не понял Тоби.

— Говорю, вторая попытка будет лучше.

— Ян, может, не надо…

Но Глеб уже поднимался, держась за край фонтана.

Курсор мигнул, и на миг под ним проступила ещё одна строка — бледная, в самом низу, такая тусклая, что он едва

её разглядел:

Стабильность носителя: 41 → 38.

«Ага, — подумал Глеб. — Значит, каждая такая глупость стоит здоровья. Буквально. Это надо запомнить».

Он сел на край фонтана рядом с Тоби и дал себе десять минут, чтобы перестала кружиться голова. Потом достал из-за пазухи лист с таблицей, разгладил его на колене и долго смотрел.

Что оставить, что выкинуть — как в любом конфиге, доставшемся от предшественника. Обращение к источнику оставить: без него Шпиль не поймёт, что это вызов. «Хранитель очага и меча» выкинуть — это поэзия. Адрес и ключ оставить, но по одному разу. Запрос — один, а не три. Преобразование — само собой.

Благодарность… Глеб задумался. Если «спасибо» — это закрытие сеанса, то без него Шпиль будет держать канал открытым. Будет ждать: «Ещё что-то? Ещё что-то?» И тянуть силу. Как кран, который забыли закрыть. Значит, одно «спасибо» нужно. Но одно, а не три.

Шесть строк вместо четырнадцати.

— Тоби, — сказал он. — Отойди к стене. На всякий случай.

— А кирпич?

— Кирпич держи.

* * *

Вторая попытка вышла не такой, как он ожидал.

Глеб снова вытянул руку и проговорил про себя — медленно, тщательно, по одной строке, как вводил команды на незнакомом оборудовании, когда страшно ошибиться:

Первый Огонь — к тебе.

Шпиль Корвальда, Северный.

Я, носящий печать.

Прошу силы.

Тепло — в точку на кончике пальца.

Благодарю.

На последнем слове он почувствовал что-то новое. Не удар, а тепло. Тонкое, как нитка, оно протянулось откуда-то с севера, где за крышами мерцал Шпиль, через воздух, через стены — прямо в запястье. Скользнуло по руке. Собралось в кончике указательного пальца — и вспыхнуло.

Искра была крошечная: оранжево-белая звёздочка размером с горошину, которая повисела над пальцем секунду, две, и погасла, оставив в воздухе запах грозы.

Тоби выронил кирпич.

Курсор в углу зрения мигнул:

ЗАПРОС ОБРАБОТАН.

ЗАТРАЧЕНО: 1 ед.

ЁМКОСТЬ: 2 / 3

Глеб смотрел на эти строчки, и у него медленно, против воли, разъезжались губы.

Одна единица. Не пять. Одна.

А потом под ними проступила ещё одна строка. Другим

шрифтом — если у мыслей вообще бывает шрифт, — чуть наклонным, как будто его вписали от руки:

Примечание узла: запрос нестандартный. Избыточных повторов: 0.

Оптимально.

Глеб моргнул.

Это было… сказано. Не выведено автоматически, как «отклонено» или «обработано». Кто-то — или что-то — посмотрел на его запрос и оставил комментарий. Сухой. Почти неохотный. Как оставляет пометку на полях старый мастер, когда ученик впервые сделал что-то правильно: «Норм». И больше ни слова.

— Ты кто? — спросил Глеб вслух, глядя в пустоту.

Курсор мигнул. Ответа не было.

— Ян? — Тоби осторожно отлепился от стены. — Ты с кем говоришь?

— Сам с собой, — сказал Глеб. — Тоби. Тоби, ты видел?

— Видел, — прошептал Тоби. Глаза у него были огромные. — Ян, ты сделал «Искру». Глухой. Ты сделал «Искру»!

— Одной единицей.

— Чего?

— Неважно, — Глеб вытер нос, посмотрел на рукав — крови больше не было. — Неважно. Сделал.

Он сделал ещё одну, чтобы убедиться. И ещё. На третьей ёмкость показала 0 / 3, а голова стала лёгкой и пустой, как после бессонной ночи. Искра вышла чуть меньше, чем пер-

вые две. Но вышла.

Тоби сидел на фонтане, обхватив колени, и смотрел на Яна Сореля так, будто видел его в первый раз.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил он наконец. — Если ты можешь сделать «Искру» за единицу… если кто угодно может… Ферро говорит, это канон. Тысячу лет канон. А ты…

— Я ничего не понимаю, Тоби, — честно сказал Глеб. — Я просто убрал лишнее.

— Никто никогда не убирал лишнее.

— Вот это, — Глеб поднялся, отряхнул штаны, — меня и пугает.

* * *

Три единицы. Даже с оптимизацией это три искры. На экзамене этого хватит, чтобы не отчислили. Но если Шпиль правда умирает, если через шестьдесят дней — нет, уже меньше — он погаснет, то три искры ему ничем не помогут.

Нужна была батарейка.

Мысль была простая, инженерная. Если твой источник питания маленький, ты ставишь внешний. Если у тебя три единицы маны, ты носишь с собой ещё тридцать — в чёмнибудь.

В книгах это называлось **накопители**: кристаллы, которые заряжали у Шпиля и потом носили с собой маги, отправлявшиеся в Пустошь или в долгую дорогу. Стоили они, по словам Тоби, «как лошадь, если маленький, и как дом, если

нормальный». У Яна Сореля не было ни лошади, ни дома. В кошельке звенели одиннадцать медяков и одна серебряная монетка, такая стёртая, что профиль короля на ней можно было только угадывать.

— Новые — у Гильдии, — объяснил Тоби, пока они шли через Нижний город на следующий день после занятий. — Только они имеют право заряжать. Но если тебе нужен старый, треснутый, который уже не держит… — он понизил голос, — то это к Танну.

— Кто такой Танн?

— Артефактор. Лучший в Нижнем. Мастер Тобиас Танн. Мы с ним тёзки, — с гордостью добавил Тоби. — Он чинит всё, что сломали в Верхнем городе, а Гильдия делает вид, что не замечает. А ещё у него дочь. Она…

— Что?

Тоби подумал.

— Она тебя убьёт, — сказал он наконец. — Ну, не насмерть. Но она не любит знать.

— Я не знать. Я бедный баронский сын с одиннадцатью медяками.

— Для неё это одно и то же.

Нижний город понравился Глебу сразу. Он был шумный, тесный, пах дымом, конским навозом и жареным луком. Над узкими улицами висело бельё на верёвках, из распахнутых окон ругались, смеялись и пели. Здесь всё было живое и всё было сломанное: каждая третья вывеска держалась на одном

гвозде, каждая вторая лестница скрипела, жилы Шпиля тянулись под карнизами не в аккуратных медных желобах, как в Академии, а кое-как, примотанные к балкам верёвками, с самодельными отводами к каждому дому.

«Самострой, — с нежностью подумал Глеб. — Как у нас на заводе в девяностые. Каждый цех сам себе тянул проводку, и всё это держалось на изоленте и честном слове».

Лавка Танна стояла в конце Медной улицы, под вывеской, которая, удивительное дело, висела ровно: «ТАНН И ДОЧЬ. Артефакты. Починка. Без вопросов». Окна были заставлены всякой всячиной — лампы, амулеты, металлические шкатулки с узорами, что-то похожее на часы с тремя циферблатами. Половина вещей, судя по виду, не работала. Внутри пахло горячим металлом и маслом.

За прилавком никого не было. Из-за двери в глубине доносилось ритмичное «дзынь — дзынь — дзынь» и ругательства. Женские. Очень изобретательные.

Тоби покраснел и уставился в пол.

Глеб прислушался и с уважением отметил три выражения, которых не знал даже в родном мире.

— Есть кто? — громко спросил он.

«Дзынь» прекратилось. Дверь распахнулась.

Девушка была на полголовы ниже Глеба — нынешнего Глеба, высокого и тощего. Тёмные волосы, остриженные почти по-мальчишески и всё равно лезущие в глаза, повязаны платком. Кожаный фартук поверх рубахи с закатанными ру-

кавами. Руки по локоть в саже, на щеке — чёрная полоса, словно её провели пальцем. В одной руке она держала маленький молоток, в другой — какую-то металлическую штуку, от которой поднимался дымок.

Она оглядела гостей, задержалась на синей куртке Академии, на вышитом на груди гербе Сорелей — облезлом, но узнаваемом, — и на седой пряди у Глеба над виском. Глаза у неё были серые, очень светлые на закопчённом лице, и смотрели они без капли приветливости.

— Академия, — сказала она. Не вопрос — диагноз. — Если вы пришли продать сломанный амулет, который папенька подарил на день рождения, — у нас скупка по вторникам. Если починить — неделя ожидания и деньги вперёд. Если спросить дорогу в Верхний город — вон туда, — она ткнула молотком в сторону двери, — не заблудитесь.

— Здравствуй, Мира, — пискнул Тоби.

Её взгляд чуть смягчился.

— Тоби. Опять взорвал колбу?

— Две, — признался Тоби. — Но это не я, это реактив. Мира, это Ян. Мой сосед. Ему нужно…

— Мне нужен накопитель, — сказал Глеб. — Старый. Треснутый. Который не держит заряд.

Мира подняла бровь.

— Зачем тебе накопитель, который не работает?

— Чтобы понять, почему он не работает.

Бровь поднялась выше.

— Академик, который хочет понять, почему что-то не работает. — Она положила молоток на прилавок. — Это что-то новенькое. Обычно вы хотите, чтобы работало, и чтобы вчера, и чтобы со скидкой.

— Я бы тоже хотел со скидкой, — признался Глеб. — У меня одиннадцать медяков.

Мира смотрела на него долго. Глеб выдержал взгляд. Он двадцать лет разговаривал с начальниками цехов, которые встречали айтишника как личного врага, и знал, что в таких случаях лучше всего работает честность. Ну, и немного наглости.

— Ты Сорель, — сказала она наконец. — Тот, которого ударило на Шпиле.

— Тот самый.

— Весь Нижний город смеялся. «Глухой полез слушать Шпиль».

— Я бы тоже смеялся, — согласился Глеб. — Это было очень глупо.

Что-то промелькнуло на её лице — то ли удивление, то ли интерес. Она отвернулась, порылась под прилавком и выставила на дерево ящик. В ящике, переложенные соломой, лежали кристаллы. Мутные, тусклые, многие с трещинами, некоторые расколотые пополам. Похожие на старые лампочки, которые Глеб в детстве собирал в банку у бабушки: вдруг пригодятся.

— Битые, — сказала Мира. — Выбирай любой за пять

медяков. Всё равно на выброс.

Глеб наклонился над ящиком. Курсор в углу зрения шевельнулся, как будто тоже заинтересовался.

Он взял первый кристалл — продолговатый, размером с палец, с длинной трещиной вдоль. И, сам не зная зачем, подумал:

status

Курсор мигнул.

ОБЪЕКТ: накопитель, класс III.

СОСТОЯНИЕ: контур заряда разорван (трещина).

ЁМКОСТЬ: 0 / 40.

ПРИМЕЧАНИЕ: гостевой доступ — только чтение.

Сорок. Глеб чуть не выронил кристалл. Сорок единиц. В тринадцать раз больше, чем у него самого.

— Что с ним? — спросил он у Миры, стараясь говорить ровно.

— Трещина, — пожала плечами та. — Когда кристалл треснул, он больше не держит. Заряжаешь — сила утекает за час. Отец говорит, их можно только переплавить, а переплавлять умеет только Гильдия. Так что — на выброс.

— А если трещину… — Глеб покрутил кристалл в пальцах, разглядывая линию, — закрыть? Не склеить, а… замкнуть. Чтобы контур снова был целым. Например, тонкой полоской серебра вдоль трещины, как перемычкой.

Мира замерла.

Тоби тоже замер — на всякий случай.

— Что ты сказал? — медленно переспросила Мира.

— Ну… — Глеб понял, что, кажется, сказал что-то не то, но отступать было поздно. — Если сила течёт по кристаллу, как по… как по жиле, а трещина эту жилу рвёт, то можно же поставить мостик. Перемычку. Пусть сила обходит трещину по металлу.

Мира смотрела на него так, как Ферро смотрел на поднятую руку. Только у Ферро во взгляде было раздражение, а у Миры — что-то совсем другое. Острое. Внимательное. Как у мастера, который вдруг услышал от покупателя правильное слово.

— Отец пробовал, — сказала она очень медленно. — В прошлом году. Медью. Не держало.

— Медь, наверное, плохо проводит именно… эту силу, — сказал Глеб наугад. — Попробовать серебро? Или… а что у вас вообще лучше всего проводит?

— Лунное серебро, — сказала Мира, не отрывая от него взгляда. — Но оно стоит как этот кристалл новым. И его продаёт… Гильдия.

— Конечно, — вздохнул Глеб. — Кто бы сомневался.

Мира молчала. Потом протянула руку — грязную, в саже, с обломанными ногтями и тонким белым шрамом через всю ладонь — и забрала у него кристалл.

— Пять медяков, — сказала она. — За этот. И ещё два — за то, что ты мне сейчас расскажешь, откуда баронский сынок, который месяц назад не мог зажечь свечку, знает, как

течёт сила в накопителе.

— Я не знаю, как она течёт, — честно сказал Глеб. — Я догадываюсь. Это разные вещи.

— Тогда расскажи, как ты догадываешься.

Тоби тихонько кашлянул.

— Мира, нам вообще-то уже пора…

— Сядь, Тоби, — сказали они оба одновременно.

Тоби сел.

* * *

Они проговорили почти час. Мира выставила на прилавок три чашки с чем-то горячим, горьким и чёрным — Глеб с изумлением узнал в этом напитке почти-кофе, только с привкусом жжёных орехов, — и задавала вопросы. Короткие, точные, неудобные. Глеб отвечал, как мог, стараясь не сболтнуть лишнего: никаких консолей, никаких «статусов». Просто здравый смысл. Если сила — это поток, то с ней должны работать те же правила, что с водой в трубах или с током в проводах. Сопротивление. Утечки. Разрывы.

Слова «ток» и «провод» он, конечно, не произносил. Говорил «жила» и «течение». Но Мира понимала. Понимала с полуслова, иногда раньше, чем он договаривал, и перебивала, и спорила, и один раз, не выдержав, схватила кусок мела и начала чертить прямо на прилавке.

Глеб смотрел на её схему и думал, что за двадцать лет работы встречал таких людей три раза. Людей, которым не надо объяснять, — им надо только дать направление, а дальше

они побегут сами, и тебе придётся догонять.

— Ладно, — сказала она наконец, отодвигая чашку. — Допустим. Допустим, ты не врёшь. Тогда объясни мне вот что, умник.

— Давай.

— Почему они дохнут?

— Кто?

— Всё, — Мира махнула рукой на заставленные полки. — Это всё. Видишь эти лампы? Амулеты? Шкатулки? Всё это — сгоревшее. За последний год к нам принесли больше сломанных артефактов, чем за пять лет до этого. Отец не успевает. Люди приходят и говорят: «Работало-работало — и вдруг перестало». Вчера горело, сегодня — пшик. У соседей сгорела печь. У пекаря Хольма — холодильный ларь, он весь товар выкинул. А в Верхнем городе всё нормально. Потому что у них жилы новые, медные, а у нас примотаны к балкам. Но раньше-то ведь работало и у нас!

Глеб медленно поставил чашку.

Вспомнил, как мигает Шпиль: огни спотыкаются на пятом, а раз в полминуты он тускнеет весь — и вспыхивает чуть ярче, чем нужно.

Вспомнил свою серверную и старый блок питания, у которого высохли конденсаторы. Сначала он просто проседает под нагрузкой, а потом начинаются скачки: напряжение падает и тут же подскакивает выше нормы, чтобы скомпенсировать. Каждый такой скачок бьёт по всему, что подключено,

и по самому слабому — первым. По тому, что подключено кое-как, без защиты, на изоленте и честном слове.

— Это не артефакты дохнут, — тихо сказал он. — Это Шпиль.

Мира замерла с поднятой чашкой.

— Что?

— Он мигает, — сказал Глеб. — Видела? Иногда, раз в полминуты, тускнеет, а потом вспыхивает слишком ярко. Каждый раз, когда он вспыхивает, по жилам идёт… волна. Лишняя сила. В Верхнем городе жилы толстые, новые, они это гасят. А у вас — самодельные отводы. Волна доходит до вещи и сжигает её.

Тишина в лавке стала очень плотной. Где-то на улице кричал разносчик, и лаяла собака.

— Ты не можешь этого знать, — сказала Мира. Голос у неё стал тихий и злой. — Шпиль — это Шпиль. Он стоит восемьсот лет. Гильдия проводит ритуал каждый месяц. Если бы с ним было что-то не так, они бы…

Она не договорила.

— Сказали бы? — мягко спросил Глеб.

Мира смотрела на него. И Глеб увидел, как в её глазах злость медленно сменяется пониманием — тем самым страшным пониманием, которое приходит к человеку, когда он вдруг складывает два и два и получает число, которое ему очень не нравится.

— Иди домой, Сорель, — сказала она наконец. — Тоби,

уведи его.

— Мира…

— Кристалл я тебе отложу. Приходи через неделю. И подумай, — она подняла на него серые глаза, — подумай очень хорошо, кому ещё ты собираешься такое говорить. Потому что если это правда — за такие слова в этом городе можно лишиться не только Академии.

* * *

Они шли обратно молча. Тоби, кажется, вообще боялся открыть рот. Солнце садилось, и Нижний город медленно зажигал окна — неровным, мигающим светом.

На площади перед рынком, у подножия холма со Шпилем, Глеб остановился.

Там, на склоне, у самой ограды Шпиля, стояли люди. Пять или шесть фигур в длинных тёмно-синих плащах с серебряной оторочкой. Гильдия Ключников. Один держал в руках что-то вроде длинного посоха с кристаллом на конце и медленно водил им вдоль ограды. Другой записывал. Третий — высокий, седой, с прямой, как у Вероники Арвель, спиной — стоял чуть в стороне, заложив руки за спину, и смотрел на Шпиль.

Шпиль над ними мигал всё с той же запинкой.

— Это кто? — тихо спросил Глеб.

Тоби проследил за его взглядом и побледнел.

— Магистр Арвель, — прошептал он. — Сам. Глава Гильдии. Что он тут делает? Ритуал же только через три недели…

Глеб смотрел, как высокий седой человек поворачивается к своим людям, говорит что-то короткое, и человек с записями кивает и что-то отмечает в своих бумагах.

«Измеряют, — подумал Глеб. — Это не ритуал. Это замеры. Они знают».

Курсор в углу зрения мигнул. Строки поползли сами — без всякой команды.

ЗАФИКСИРОВАН ВНЕШНИЙ ОПРОС УЗЛА.

ИСТОЧНИК: ключ класса «Ключник», ранг 4.

ЗАПРОШЕНО: состояние узла, прогноз отказа.

ВЫДАНО: 23 %, 58 суток.

Пятьдесят восемь. А три дня назад было шестьдесят одни.

Глеб медленно выдохнул. Тоби дёргал его за рукав, говорил что-то про ужин и про то, что столовую закрывают, но Глеб не слышал. Он смотрел на Шпиль, на синие плащи, на седого человека с прямой спиной. И думал о том, что в каждой серверной, в которой он работал за двадцать лет, всегда находился кто-то, кто знал, что всё вот-вот рухнет.

И почти никогда этот кто-то никому не говорил.